

СПРАШИВАЕМ — ОТВЕЧАЮТ...

Татьяна
ДОРОНИНА:

«Люблю лица зрителей...»

— Что определило ваш, Татьяна Васильевна, выбор актерской профессии, где и когда были сделаны первые шаги?

— На этот вопрос нельзя ответить однозначно. Желание быть актером — это нередко болезнь юности. Мальчики и девочки видят в зрелище, будь то театр или кино, праздник и хотят приобщиться к этому, как им кажется, вечному празднику жизни. Никто из них пока не понимает и не знает трудностей актерской профессии, так же как не понимала и не знала их я. Выбор не был рациональным и определился он суммой жизненных впечатлений и эмоциональным зарядом.

И если вспомнить, что порадовало, что питало мое воображение, то, конечно, из детских впечатлений это будет первое посещение театра. То был огромный дом под названием Дом культуры промкооперации, находившийся на Петроградской стороне в Ленинграде. Зал — бесконечен. Отец, мама, сестра и я сидим наверху и видим сцену сбоку. Актеров я наблюдала сквозь сетку, на которую зрители ставили бинокли и сумочки. Передо мною было нечто похожее на сон — разделенная сеткой на маленькие ромбики, на сцене стояла красавица в ярком платье, а у ее ног лежал светящийся цветок. Шла «Иоланта», и я впервые испытывала счастье, которое называлось Театр.

Для нашей рабочей семьи праздник театра был чудом. И это чудо осталось со мной на долгие годы войны, потому что было самым единственным...

— Расскажите о наиболее ярких впечатлениях своих московских студенческих лет, о постижении актерской профессии...

— Если ты «учишься на актрису», если тебе так повезло, то воспринимать окружающее ты будешь только через призму твоей будущей профессии. Потрясение юности — спектакли Художественного театра.

Став студенткой Школы-студии МХАТ, я получила возможность смотреть их. Счастливица обладательница контрамарки, вместе со своими однокурсниками сижу на лестнице второго яруса. Тепло, торжественно — и приглушенный гул зрительного зала. Матовые фонари медленно гаснут, и чайка на занавесе смещается из центра в сторону. «Три сестры». На сцене — Еланская, Тарасова и Степанова... В книге, по которой мы учились, было написано: «Сквозное действие спектакля, поставленного Вл. Ив. Немировичем-Данченко, — тоска по лучшей жизни». Пряча друг от друга заплаканные глаза, мы тихо выходим из зала и молчим до Трифоновки, до нашего общежития.

А на следующий день повторяем текст мудрой и нежной пьесы, стараясь подражать интонациям спектакля: «...Кажется, еще немного, и мы узнаем, зачем мы живем, зачем страдаем... Если бы знать, если бы знать!»

Имя этой актрисы вызывает почти у каждого воспоминание о встречах с ней на кино- или телеэкране, на сцене театра или концертного зала. Открытое, милое лицо русской женщины с доверчивыми лучистыми глазами, женщины, сердце которой распахнуто для счастья и добра... У народной артистки СССР Татьяны Дорониной немало старых и верных друзей, искренних поклонников ее таланта. И в этом я имел возможность еще раз убедиться, когда в южном вечером по дороге в Театр Эстрады уже на мосту через Москву-реку меня атаковали жаждущие понаблюдать на спектакль «Приятная женщина с цветком и окнами на север»...

На следующий вечер мы встретились с Татьяной Васильевной Дорониной в здании МХАТ на Тверском бульваре. Успел заметить, что у актрисы еще нет именной таблички на вешалке. Вспомнилась брошенная кем-то фраза — «вернулась блудная дочь в отчий дом». Актриса улыбнулась — разговор об этом был еще впереди. Поделюсь впечатлениями, которые оставили своим энтузиазмом зрители, наполнявшие подвезд и зал Театра Эстрады. «Им я глубоко благодарна за память и верность, — заметила моя собеседница. — Их добрые чувства согревают меня, помогают в трудные минуты...»

Мы трепетно приобщались к великой драматургии Чехова.

— С Ленинградом связано почти целое десятилетие вашей дальнейшей творческой жизни. Расскажите об этом...

— Есть стихи Анны Ахматовой о Ленинграде, которые начинаются так:

Тот город, мной любимый с детства,

В его декабрьской тишине

Моим промотанным наследством

Сегодня оказался мне.

Это любимые мои стихи о моем любимом городе.

Начала я работать в Ленинграде в Театре имени Ленинского комсомола. Крещение большой сценой состоялось в спектакле «Фабричная девчонка» по пьесе Александра Володина. На сцене этого театра впервые сыграла в пьесах Алексея Арбузова, Виктора Розова, Льва Славина.

Моя благодарность моему первому театру — бесконечна.

Потом я получила приглашение в Большой драматический театр, которым руководил и руководит по сей день Георгий Александрович Товстоногов. Этот театр не спутаешь ни с каким другим. Его магия воздействует повсеместно даже на самые невосприимчивые сердца. Это театр о человеке и для человека. Режиссер, который любит и умеет работать с актерами, направлять темпераменты и умы, он учит главному — правде. Переоценить то, что дал мне «театр Товстоногова», я не могу. Это театр моих учителей и моих друзей.

— Как-то вы сказали, что кинематограф был в вашей судьбе случайностью. А ведь широкую известность, признательность зрителей вам принесли «Старшая сестра», «Еще раз про любовь», «Мачеха», «Три тополя на Плющихе»...

— Может быть, я ошибаюсь, но, на мой взгляд, кино никогда не дает — оно берет то, что наработано в театре. У меня во всяком случае происходит именно так. Исключение — фильм «Три тополя на Плющихе». Здесь — прекрасный режиссер Татьяна Лиознова. В основе — отличная проза Александра Борщаговского. И, наконец, — партнер, который для меня яв-

ляется камертоном правды, — Олег Ефремов.

В кино такое сочетание творческих компонентов — редкость, в театре — норма. Поэтому я люблю работать в театре и не люблю в кино. Если появится сценарий с насыщенной сегодняшней темой, выписанными характерами и ставить его будет режиссер, умеющий работать с актерами, тогда мне будет интересно. Но принцип «случайности» от этого, пожалуй, не изменится.

— Какие сценические образы вам наиболее дороги, какие движения и нюансы женской души вы стремитесь раскрыть в своих героинях?

— Дороги и интересны в первую очередь трудные авторы, которых стремишься постигнуть, до которых пытаешься «дотянуться». Работая над Чеховым, Толстым, Достоевским, становишься тоньше, внутренне значительнее. Труднее всего, к примеру, было играть Настасью Филипповну в «Идиоте» Достоевского. Наверное, поэтому я люблю эту роль больше всех остальных. Сравнительно недавно работала на радио над «Анной Карениной», испытывала свое актерское счастье в такой мере полноты, которую считала навсегда ушедшей.

Великая актриса Малого театра Ольга Осиповна Садовская говорила, что автора надо уважать и изображать того уж, кого он захочет. Я стараюсь существовать на сцене по этой формуле и по законам той правды, которую успела на сегодня постигнуть.

Я никогда не обвиняю своих героинь, я стараюсь их защитить.

Мои женщины — разных эпох, разного положения, разного интеллектуального уровня: английская королева Елизавета и Мария Стюарт в пьесе Р. Болта «Да здравствует королева, виват!» и — Азиза Герасимова в пьесе Э. Радзинского «Приятная женщина с цветком и окнами на север».

Что может быть несовместимее? Различно в них все, общее — моя позиция защиты... Главное в работе — найти не-

повторимость образа мыслей персонажа, а «нюансы женской души» будут, думаю, находить и определять критики.

— После довольно продолжительной работы на сцене Театра имени Вл. Маяковского вы пришли сейчас во МХАТ. В своем интервью Олег Ефремов отметил, что труппа театра пополнилась «единомышленниками по творчеству», в числе которых он первой назвал вас...

— Олег Ефремов существует во времени и причастен к самым насущным проблемам дня. Он последователен в этом: так он начинал «Современник», так он живет и работает сегодня. Я уважаю эту позицию.

— Вы, как известно, уделяете значительное внимание выступлениям на концертной эстраде, вечерам поэзии. Работа над новой литературой вас особенно привлекает?

— Прежде всего хочу заметить, что восприятие поэзии — очень индивидуально, более индивидуально, чем восприятие музыки. Каждый видит в поэте что-то свое, ему наиболее близкое. Поэтому читать стихи для меня гораздо труднее, чем играть спектакль, — так же, как слушателю труднее стихи воспринимать. Вечер поэзии — это вечер общей работы: исполнителя и слушателя.

Для меня — чем сложнее поэт, тем более удовлетворения, когда что-то удастся.

Работаю над стихами Анны Ахматовой, Марины Цветаевой, Сергея Есенина, Бориса Пастернака, Новеллы Матвеевой. К Федору Тютчеву пришла поздно. Но он поэт людей зрелых, поэт, любовь к которому не ослабевает с годами, а делается глубже...

— Чем интересна для вас работа в спектакле «Приятная женщина с цветком и окнами на север» на сцене Театра Эстрады?

— Молодой режиссер Евгений Лазарев поставил спектакль в жанре гротеска. Пьеса Э. Радзинского, и смешная, и грустная, горячо принимается зрителями. Спектакль — о вечной вере «женщины с цветком» в смысл добра и любви.

Моя роль — характерная, написанная автором с щедростью большого таланта. В ней много юмора и много драматизма. Это сочетание очень современно. Поэтому мне интересно играть и хочется играть. Причина — не только прекрасная тема, но и существование в яркой, острой сценической форме.

Я еще очень люблю, когда зрители много смеются, люблю их лица.

— А чему вы посвящаете свое свободное время, чем увлекаетесь, о чем мечтаете?

— «Увлекаюсь» хорошей книгой. Но, точнее сказать, это не увлечение, а духовная потребность, необходимость как профессиональная, так и человеческая.

А вот о чем мечтаю — этого не скажу. Какие же это мечты, если они для общего сведения? Мечты надо хранить внутри души...

Беседу вел
Марк ТАТАРИНОВ
Фото Ю. ИНИКИНА